

УДК 81'276.6

О. В. Барабаш¹

ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕРМИН: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

O.V. Barabash

LEGAL TERM: PROBLEMS OF STUDYING

Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 14-34-01252 «Язык и стиль официальных документов: антикоррупционные требования».

В статье рассматриваются функциональные и структурно-семантические особенности правовых терминов, а также выявляются проблемы, связанных с их изучением и употреблением.

The article runs about functional and structural-semantic specifications of legal terms. The researcher makes a supposition that it is several problems in study of legal terms.

Ключевые слова: юридический термин, дефиниция, правовая коммуникация, вариативность.

Keywords: legal term, definition, legal relationship, variability.

Анализу проблем, связанных с употреблением юридической терминологии, посвящены работы как лингвистов, так и юристов: Н. А. Бондыревой, Б. Н. Головина, Н. Д. Голева, П. А. Дамадановой, А. А. Денисовой, Е. Б. Ершовой, Г. В. Клычевой, Д. И. Милославской, Т. В. Морщаковой, А. С. Пиголкина, Р. И. Паисьевой, Л. Н. Русиновой, Т. В. Рыженковой, А. В. Суперанской, С. П. Хижняка, В. Ю. Туранина и др.

В науке сформировались различные подходы к изучению юридической терминологии. Так, научные исследования Ф. П. Филина, Т. М. Балыхиной, В. М. Живова, Н. Г. Благовой, Н. В. Смирновой и др. посвящены изучению правовой терминологии в диахроническом аспекте.

Значительное количество исследований посвящено изучению юридической терминологии в русле сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания, в частности, труды Н. К. Гарбовского, В. Н. Комиссарова, Д. С. Лотте, В. М. Лейчика, Л. Л. Нелюбина, А. С. Одинцовой, А. А. Реформатского, Г. М. Стрелковского, С. Д. Шелова, Е. А. Лобановой и др.

С позиций когнитивной лингвистики особенности юридической терминологии рассматриваются в работах Н. Б. Гвишиани, И. А. Громовой, В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой, В. Ф. Новодрановой, Ц. Ц. Огдоновой и др.

Д. И. Милославская, В. Ю. Туранин, Н. Б. Лебедева, Н. Ю. Мартышко в своих исследованиях акцентируют внимание на взаимосвязи естественного и юридического языков. В частности, Н. Ю. Мартышко, рассматривая проблему точности и однозначности юридических терминов, считает наиболее продуктивным подходом, способным оказать существенное положительное воздействие на развитие современной российской юрислингвистики, интерпретационный подход [Мартышко, 2012].

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении функциональной и

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 14-34-01252 «Язык и стиль официальных документов: антикоррупционные требования».

структурно-семантической специфики правовых терминов, а также в выявлении проблем, связанных с их изучением и употреблением.

Одним из наиболее обсуждаемых в науке является вопрос о сущности юридического термина: какие лексемы считать юридическими терминами, на основе каких принципов осуществлять их классификацию?

Рассмотрим существующие в науке определения.

Так, по мнению М. М. Глушко, термин – это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы [Глушко, 1974].

С. В. Гринев определяет термин как «номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание) специального языка, принимаемую для точного наименования специальных понятий» [Гринев, 1993].

В целом приведенные выше и многие другие определения позволяют сделать вывод, что ученые выделяют общие признаки терминов: принадлежность конкретной сфере знания; соотнесенность с определенным понятием; формальное выражение словом или словосочетанием. Кроме того, в качестве признаков термина в ряде определений называются наличие дефиниции и семантическая однозначность. Однако не все термины, уже активно функционирующие в определенном метаязыке, имеют четкую официальную дефиницию, что не дает возможность относить данный признак к определяющим для признания термина таковым. Что касается требования семантической однозначности термина, то отметим, что его выполнение представляется желательным, но не всегда оказывается возможным в силу ряда, прежде всего, собственно языковых, причин. Следовательно, семантическая однозначность также не может выступать в качестве обязательного критерия определения термина.

Более близким нашему пониманию оказалось определение, данное Б. Ю. Городецким. Ученый указывает, что термин представляет собой слово или словосочетание определенного подъязыка, взятое в фиксированном узуальном значении, для которого существует в более или менее явном виде сознательно выработанная дефиниция в рамках конкретного вида человеческой деятельности, причем носители подъязыка при использовании термина сознательно ориентируются на эту дефиницию [Городецкий, 2006].

Интересным представляется мнение С. Д. Шелова, согласно которому суть термина «заключается в том, что, будучи специальным или неспециальным обозначающим (знаком), термин вводит некоторое неизвестное (или недостаточно известное) понятие и потому нуждается в каком-то его определении (толковании, объяснении) или мотивации». Ученый справедливо указывает на «часто не замечаемую связь между «специфичностью» понятия, называемого термином, и необходимостью его объяснить именно в силу этой «специфичности» [Шелов, 2010].

Специфичность понятий, выражаемых терминами юридическими, обусловлена в первую очередь, тем, что они принадлежат сфере, регулирующей общественные отношения. В связи с этим в категорию юридических терминов включаются слова, так или иначе коррелирующие с понятиями права и морали, такие, например, как «оскорбление», «обида», «моральный ущерб», «вред», «нравственное страдание», «порочить», «унижать», «честь», «достоинство», «деловая репутация», «клевета» и т. д. Как указывает Н. Д. Голев, данные слова, функционируя в юридическом метаязыке, имеют «не в полной мере терминологизированный смысл». [Голев, 2000]. Ранее С. П. Хижняк, предлагая считать терминологичным любое слово или словосочетание, обозначающее ключевое понятие правовой нормы, отмечал, что характер терминологичности при этом может быть различным [Хижняк, 1997]. Именно по степени «терминологизованности» правовые термины традиционно подразделяют на три группы: а) общезначимые термины (характеризуются тем, что они употребляются в обыденном смысле и понятны всем); б)

специально-юридические термины (обладают особым правовым содержанием); в) специально-технические термины, отражающие область специальных знаний – техники, экономики, медицины и т.д. [Энциклопедический словарь экономики и права, 2005].

В роли термина, как мы видим, может выступать не только специально созданная для обозначения правового понятия лексема, но и слово, относящееся к общеупотребительной лексике и используемое в особой функции – функции наименования специального понятия, предмета или явления. Иными словами, в контексте правовых актов общеупотребительные лексемы терминологизируются.

Функция номинации юридическим термином правовых понятий, предметов и явлений приводит к преобладанию имен существительных в текстах правового характера и, прежде всего, в законодательных актах. Их массовая доля действительно велика и может составлять до 60-80 процентов от общего количества слов в предложении.

Например, в пункте 1 статьи 1 Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» читаем: «Настоящий Федеральный закон регулирует отношения, связанные с размещением заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных, муниципальных нужд, нужд бюджетных учреждений (далее - размещение заказа), в том числе устанавливает единый порядок размещения заказов, в целях обеспечения единства экономического пространства на территории Российской Федерации при размещении заказов, эффективного использования средств бюджетов и внебюджетных источников финансирования, расширения возможностей для участия физических и юридических лиц в размещении заказов и стимулирования такого участия, развития добросовестной конкуренции, совершенствования деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере размещения заказов, обеспечения гласности и прозрачности размещения заказов, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере размещения заказов». В данном предложении преобладают термины, характеризующиеся субстантивностью: «размещение заказов», «поставка товаров», «государственные нужды», «муниципальные нужды», «добросовестная конкуренция», «коррупция», «злоупотребление» и др. Как мы видим, прилагательные включенные в состав словосочетания на основе существительного, объединены с базовым понятием общим терминологическим значением.

Субстантивный характер большинства юридических терминов объясняется тем, что «познавательная деятельность человечества всегда проходила и проходит через именование объектов действительности, выявление их отличительных признаков с помощью словарных дефиниций» [Чиронина, 2007]. В связи с этим существует традиционная точка зрения о субтантивности как обязательном признаке юридического термина: «в европейских языках система существительных настолько развита, имеются настолько неограниченные возможности образовывать отглагольные существительные и отвлеченные существительные, образованные от основ прилагательных, что основной состав терминологического списка для этих языков вполне может быть исчерпан существительными» [Ахманова, 1969]. Действительно, в плане словообразования значительную группу юридических терминов составляют образования с отглагольными существительными, например: «дача показаний», «отвод следователя» и т. п.

Таким образом, специфика терминов как номинативных знаков заключается также в их вторичности, производности. Как указывает Ц. Ц. Огдонова, термин есть номинативный знак, получаемый в результате терминологизации и создаваемый «для обозначения предметов, явлений, отношений, коммуникативно и когнитивно значимых лишь в особом семиотическом пространстве – пространстве той или иной научно-профессиональной деятельности» [Огдонова, 2010, 81]. В подобном понимании термин выступает как «основная единица науки, специальных отраслей знаний и сфер деятельности человека, призванная номинировать объекты и процессы и одновременно

служить средством познания окружающего мира» [Ивина, 2003].

Отметим, что в последние годы лингвокогнитивные аспекты активно анализируются применительно к юридической терминологии. Как отмечает И. А. Громова, вопросы, связанные с изучением сущности и признаков юридических терминов, критериев разграничения терминов и общелитературных слов, определения объема юридической терминологии, традиционно рассматривались в науке с позиций системоцентризма. Однако «смена парадигм в лингвистике – от системоцентризма к антропоцентризму – открывает принципиально иную плоскость для изучения различных проблем» [Громова, 2002], в том числе и для изучения юридической терминологии. Эту позицию поддерживает в своем диссертационном исследовании Е. В. Малюкова, указывая что «отличие между термином в системоцентрическом и антропоцентрическом пространстве определяется общим различием между результатом теоретического и обыденного познания» [Малюкова].

Однако в целом, как отмечает Н. Д. Голев, «идеи современной коммуникативной лингвистики с сильным антропоцентрическим акцентом с трудом пробиваются в сферу терминоведения», при этом, например, научная коммуникация рассматривается, как правило, «в односубъектном формате, ограничивающемся деятельностью автора-ученого и не предполагающем его коммуникативное взаимодействие с адресатом-потребителем» [Голев, 2012].

В условиях же правовой коммуникации, где происходит процесс передачи правовой информации от правотворческого органа (адресанта) к субъектам, реализующим право (адресату), подобный «односубъектный» формат представляется еще менее логичным. Более того, с момента официального опубликования смысл правовой нормы перестает принадлежать законодателю, происходит так называемое отчуждение текста от автора, и все участвующие в правовой коммуникации субъекты осуществляют интерпретацию (неофициальное толкование) правового акта исходя из того, что в нем написано. В связи с этим, принципиальное значение имеет и то, как правовые понятия отражены в действующем законодательстве, и то, как они реально функционируют в обществе: интерпретируются в процессе правоприменения и правопользования; формируют правосознание граждан; способствуют реализации целей и задач государственной политики и т. п. Вот почему смещение акцента в сторону адресата в акте правовой коммуникации представляется актуальным и перспективным, в том числе при изучении юридической терминологии. Кроме того, как известно, одним из важнейших свойств термина является его информативность, поэтому изучение лингвокогнитивной структуры юридических терминов, эволюции выражаемых ими понятий имеет важное значение и с той точки зрения, что в них аккумулируется в языковой форме правовое знание.

Как известно, язык – система подвижная, развивающаяся. «В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся, это частный случай движения при условии минимальных изменений» [Бодуэн де Куртенэ, 1963]. Наиболее заметны обновления, происходящие на лексическом уровне языка: происходит пополнение как активного, так и пассивного словаря, расширение либо сужение семантики отдельных лексем и т. п. Подобные процессы свойственны и терминологии как системе понятий той или иной области знаний.

В силу постоянного увеличения объема правового регулирования, развития международных отношений терминологический аппарат права также претерпевает заметные изменения и, соответственно, требует пристального внимания и изучения. Одной из наиболее очевидных проблем, связанных с расширением терминологического состава отечественного права, выступает проблема вариативности юридических терминов. Семантическое варьирование проявляют такие термины, как «ипотека», «клевета», «плагиат», «честь», «моральный ущерб», «существенный вред», «значительный ущерб», «злостное уклонение», «доход» и др. Сохраняя формальное тождество, данные термины в

различных нормативно-правовых актах обнаруживают изменения в плане содержания. Более того, отдельные термины (например, «имущество», «собственность», «заинтересованные лица») вообще не дефинируются, и их смысл раскрывается через содержание самих нормативных предписаний. Однако следует заметить, что отсутствие четкого закрепления юридических терминов сказывается на правильности понимания как значения отдельных понятий, так и в целом правовых предписаний, в которых данные термины занимают ключевую позицию.

В качестве иллюстрации приведем используемое в российском законодательстве слово «тендерный»: тендерные торги, тендерная документация, тендерная продажа (см. ст. 44 Федерального Закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина РФ от 16 января 2008 г. № 03-03-06/1/7 «Об учете в целях налогообложения прибыли расходов в виде комиссионного вознаграждения банку за предоставление банковской гарантии и расходов, связанных с участием в тендерных торгах, которые проиграны»). Само понятие «тендер» как таковое в правовых актах отсутствует, а его производное «тендерный» не получает разъяснения. При этом понятие «тендерные торги» используется наряду с терминами «конкурс» и «аукцион», выступая как их синоним. Приведем официальные определения данных терминов. Основным нормативно-правовым актом, регулирующим торги, является Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». Согласно пункту 1 статьи 20 указанного закона «под конкурсом понимаются торги, победителем которых признается лицо, которое предложило лучшие условия исполнения контракта и заявке на участие в конкурсе которого присвоен первый номер». В пункте 1 статьи 32 говорится, что «под аукционом на право заключить контракт понимаются торги, победителем которых признается лицо, предложившее наиболее низкую цену контракта». Становится очевидным, что термины «конкурс» и «аукцион», обозначая торги, не являются полными синонимами, так как при аукционе единственным значимым параметром является цена, а при конкурсе решающее значение имеют и неценовые факторы. Учитывая оттенки значения данных терминов, следует с осторожностью соотносить с ними понятие «тендер».

Отметим, что юридические и экономические словари выделяют до восьми значений слова «тендер». Так, «Большой юридический словарь» предлагает следующие значения: «тендер - (англ. tender) - 1) письменное предложение, заявка, оферта, 1) заявление о подписке на ценные бумаги, торги; 3) извещение о намерении поставить товар по срочному контракту; 4) средство предложения облигаций или казначейских векселей на рынке; 5) приглашение поставщикам предложить товар или оборудование, отвечающие установленным требованиям; конкурсная форма размещения заказа на закупку на рынке оборудования или привлечения подрядчиков для сооружения комплексных объектов и выполнения других работ, включая инжиниринг (условия конкурса объявляются заранее); 6) цена, предложенная предприятием, при определении которой исходят прежде всего из цен, которые могут назначить конкуренты, а не из уровня собственных издержек или величины спроса на товар; 7) запрос о возможностях и условиях ремонта судна, высылаемый судоремонтным фирмам; 8) международный торг». Подобная многозначность свидетельствует о недостаточном освоении русским языком слова «тендер», а также о смысловых трансформациях в процессе его терминологизации. Отсюда следует, что использование в законодательных актах понятия «тендер», а также производных от него должно осуществляться с опорой на его четкую дефиницию в контексте соответствующих правовых задач.

Действительно, «существует острая проблема специфики формулирования именно юридических дефиниций. Их цель – не всестороннее раскрытие научного понятия, а его определение, достаточное для нужд реализации права. Чем большему числу понятий

будут даваться законодательные дефиниции, тем меньше будет ошибок и недоразумений на практике» [Берг, 2004].

Таким образом, многозначные правовые термины требуют научной разработки, анализа, точного определения.

В то же время «именно вариативность (конкуренция вариантов) является основным механизмом саморазвития любой терминосистемы» [Голев, 2012]. В статье, посвященной рассмотрению научных и правовых терминов в аспекте стихийного функционирования языка, Н. Д. Голев высказывает идею о наличии стихийного начала в процессе терминотворчества и терминопотребления. Ученый аргументирует свою мысль тем, что «процессы терминотворчества и терминопотребления неизбежно (а возможно, и необходимо!) включены в естественное функционирование языка, органической частью которого является терминология, и во многом подчинены его закономерностям: термины создаются по законам естественного языка, входят в узус по законам его стихийного функционирования, употребляются и интерпретируются в речемыслительной деятельности так же, как слова в обычном речепотреблении» [Голев, 2012]. Именно наличием стихийного начала объясняется, на наш взгляд, явление смысловой трансформации юридических терминов.

Таким образом, изучение правовых терминов на современном этапе предполагает, на наш взгляд, решение таких проблем, как уточнение сущности юридического термина, прежде всего в лингвокогнитивном аспекте; выявление критериев классификации правовых терминов по степени их терминологизации; анализ семантических особенностей терминов, обнаруживающих вариативность при использовании в законодательных актах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ахманова, О. С.** Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. **Берг, Е. Б.** Юрислингвистика в правотворчестве / Е. Б. Берг // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 281-282. – [Электронный ресурс]. - URL: http://www.ksu.ru/fl0/publications/2004/rsf_conf_10.php
3. **Большой юридический словарь.** – [Электронный ресурс]. - URL: <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=3&wordid=68240>
4. **Глушко, М. М.** Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования. М., 1974. - 120 с.
5. **Голев, Н. Д.** Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема. (Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. - Барнаул, 2000. - С. 8-40)
6. **Голев, Н. Д.** Научные и правовые термины в аспекте стихийного функционирования языка: соображения для дискуссии. – [Электронный ресурс]. - URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golev_n_d_nauchnye_i_pravovye_terminy_v_aspekte_stikhijnogo_funkcionirovanii_jazyka_soobrazhenija_dlja_diskussii/5-1-0-129
7. **Городецкий, Б. Ю.** Термин как семантический феномен (в контексте переводческой лексикографии). – [Электронный ресурс]. - URL: www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/pdf/GorodetskiyB.pdf
8. **Гринев, С. В.** Введение в терминоведение: Уч. пособие. – М., 1993.
9. **Громова, И. Г.** Юридические термины в когнитивном аспекте : На материале английского языка / Автореф. дисс. 10.02.04, - Калининград, 2002. – [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.dissercat.com/content/yuridicheskie-terminy-v->

10. **Ивина, Л. В.** Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) : учеб.-метод. пособие. М. : Академ. проект, 2003. 302 с.
 11. **Мартышко, Н. Ю.** Интерпретационный подход к изучению проблемы точности и однозначности юридических терминов // Сборник материалов конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». – Волгоград, 2012. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw2/martyshko.html>
 12. **Огдонова, Ц. Ц.** Лингвокогнитивный аспект интерпретации научного концепта // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. No 34 (215). Филология. Искусствоведение. Вып. 49. С. 81–85.
 13. **Федеральный Закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд** // Собрание законодательства РФ, 25.07.2005, № 30 (ч.1) ст. 3105.
 14. **Хижняк, С. П.** Юридическая терминология: формирование и состав. – Саратов: изд-во Саратовского гос. университета, 1997. 134с.
 15. **Чиронова, И. И.** Теоретические основы анализа юридической терминологии // Современные гуманитарные исследования. 2007. № 6. С. 142- 148.
 16. **Шелов, С. Д.** Еще раз об определении понятия «термин» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, No 4 (2). С. 795–799.
- Энциклопедический словарь экономики и права**, 2005. – [Электронный ресурс]. - URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law/